

Глава 7

«Академическое дело». Арест и реабилитация А.М. и Л.А. Мерварт

7.1. «Академическое дело» 1929–1930 гг.

Для Мервартов 1927 год был очень удачным. Но признаки приближающейся беды уже чувствовались. Перевод «Похождения преподобного горемыки», подготовленный А.М. Мервартом, был опубликован без его предисловия и комментариев [Злоключения]. В 1929 г. состоялось памятное совещание этнографов Москвы и Ленинграда, на котором звучали опасные тенденции, позднее возобладавшие в советской этнографической науке. В МАЭ и в московской Коммунистической академии наметилось противостояние молодых и агрессивных «ученых», стремившихся *«низложить своих буржуазных руководителей и разгромить негостеприимный академический мир»* [Слезкин 1993: 116], и старой профессуры. А.М. Мерварт как образец той самой «старой профессуры» был избран от МАЭ в качестве представителей старшего поколения вместе с Д.К. Зелениным для участия в работе этого исторического совещания [Алымов, Арзютов 2014: 34], но с докладом не выступал. Вероятно, жесткая полемика на конференции произвела на Александра Михайловича угнетающее впечатление. «Вегетарианские времена» подходили к концу.

Кульминацией негативных процессов в общественной жизни и в академической среде конца 1920-х — начала 1930-х годов стало так называемое «Академическое дело». «Академическим делом» был назван политический процесс, сфабрикованный «по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) Полномочным Представительством Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ в ЛВО). Жертвами его стала большая группа известных ученых, в том числе четыре академика — С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский — и пять членов-корреспондентов АН СССР» [Академическое дело 1993: V].

А.М. Мерварт был среди первых арестованных по этому делу. 23 октября 1929 г. был выписан ордер на арест ученого секретаря Археографической комиссии А.И. Андреева. Вскоре арестовали около 100 человек, затем их разделили на две группы, причем А.М. Мерварт попал в первую группу, или «ядро», куда вошли также С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, Н.В. Измайлов, М.К. Любавский, С.В. Рождественский, А.И. Андреев, Д.Н. Егоров, В.Н. Бенешевич, П.П. Аникиев, А.А. Петров, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, В.И. Пичета — гордость ленинградской науки — историки, филологи, краеведы. Их обвиняли в шпионаже. Тринадцать человек были объединены следствием в «группу А.М. Мерварта», им инкриминировался шпионаж в пользу Германии в составе якобы созданной им сети информаторов. Обвинялись в этом Т.А. Корвин-Круковская, А.Н. Криштофович, П.И. Полевой, Г.Г. Гульбин, Д.Н. Бенешевич, С.А. Лобанов, А.А. Зеленецкий, Н.М. Окинин, Т.И. Блумберг-Коган, П.П. Бабенчиков, М.О. Клэр, А.Г. Вульфийус, Л.А. Мерварт [Академическое дело 2015].

А.М. Мерварту и Л.А. Мерварт инкриминировали принадлежность к придуманному следствием «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России» [Академическое дело 1993: VI]. Ученых обвиняли в призывах к реставрации помещичье-капиталистического строя. Группу преподавателей и научных работников, включавшую профессора Ленинградского госу-

дарственного университета медицинских знаний Э.Б. Фурмана и пастора-проповедника А.Ф. Фришфельда, обличали в том, что они являлись с 1927 г. «платными информаторами» агента германской секретной службы А.М. Мерварта, «собиравшими сведения о политическом положении СССР и настроениях немецкого населения в Ленинграде, Поволжье и немецких колониях в Крыму» [Там же: IX–X]. В обвинениях в отношении А.М. Мерварта звучало вырвавшееся за пределы «Академического дела» дело о шпионаже и создании подпольной военной организации «Стальной шлем» [Там же: X].

Исследователи и издатели архивов «Академического дела» В.П. Захаров, М.П. Лепехин и Э.А. Фомина справедливо замечают, что «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России никогда не существовал. В Академии наук не было ни контрреволюционного заговора, ни военных организаций и складов оружия, ни тайного сговора с агентами иностранных разведок, ни конспиративных встреч с ними в Париже, Берлине или Библиотеке Ватикана. Все эти аксессуары сочинений детективного жанра, присутствующие в материалах процесса, — чистый вымысел его сценаристов. Реальна только трагедия незащитных представителей элиты отечественной науки, вовлеченных в этот страшный спектакль и ставших жертвами бесправия и надругательства» [Академическое дело 1993: XI]. Авторы предисловия к первому тому «Академического дела» добавляют, что «“Академическое дело” возникло как часть кампании репрессий, основанной на фальсифицированных обвинениях и направленной прежде всего против интеллигенции, особенно тех ее представителей, которых можно было обвинить в принадлежности к “бывшим”» [Там же: XII].

«Академическое дело» было не первым в череде репрессивных процессов против советской интеллигенции. В 1928 г. состоялся суд по так называемому «Шахтинскому делу», направленному против технической интеллигенции, обвиненной во вредительстве. В ноябре-декабре 1930 г. в Москве прошел судебный процесс по делу так называемой «Промпартии», приведший к осуж-

дению группы инженеров. Затем арестовали видных экономистов А.В. Чайнова и Н.Д. Кондратьева, обвиненных в создании вымышленной «Трудовой крестьянской партии». В октябре 1930 г. были арестованы многие бывшие кадровые офицеры царской армии, оказавшиеся на службе у советской власти. Среди арестованных, а позднее репрессированных был и А.Е. Снесарев — основатель и ректор Института востоковедения, коллега Мервартов, профессиональный индолог, знаток индийской народной жизни.

Исследователи «Академического дела» справедливо видят корни этого политического процесса в конфликте между Академией наук и советской властью. Академия наук в 1917 г. встретила большевистский переворот враждебно. В 1918 г. она была вынуждена признать новую власть, но ее кадровый состав новой власти не нравился. Даже в 1929 г. на 1158 человек, работавших в Академии наук СССР, было только 16 членов партии [Академическое дело 1993: XIII]. Уже в 1918 г. были предприняты попытки расформировать Академию наук и другие научные учреждения как «пережитки ложно-классической эпохи развития классового общества» [Там же]. В 1923 г. в Москве была создана альтернативная Коммунистическая академия, бывшая, однако, преимущественно академией общественных наук. Возглавил ее печально известный историк М.Н. Покровский, известный как автор «пятичленки» — трактовки марксистского учения, предполагавшей существование и смену одного другим пяти общественных строев — первобытно-общинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и, наконец, коммунистического. Кроме вражды власти и Академии наук существовала и неприязнь части ученого мира Москвы к Ленинграду, ученым академии. Как сетовал в 1923 г. вице-президент Академии наук В.А. Стеклов, «зависть к успехам Академии процветает в низших слоях так называемого “ученого” мира, особенно московского» [Там же: XVI]. Главными объектами ненависти Покровского и Комакадемии были ученые Музея антропологии и этнографии, Пушкинского Дома, Словарной комиссии Акаде-

мии наук, Постоянной историко-археографической комиссии Академии наук.

Несмотря на агрессивную политику Покровского, направленную на уничтожение Академии наук, в конце 1920-х годов в Политбюро ЦК ВКП(б) и правительстве СССР возобладала линия на «приручения» академии, а не ее уничтожения. Было решено пойти по пути огосударствления и большевизации Академии наук [Академическое дело 1993: XVI]. 19 декабря 1925 г. была создана комиссия Политбюро для связи с Академией наук и контроля за ее работой. 31 мая 1927 г. был утвержден новый Устав Академии наук СССР, ограничивавший ее самостоятельность, вводивший утверждение Совнаркомом академических планов работы, большую жесткость иерархии и подчиненности академических учреждений Президиуму Академии наук, предписывалось сотрудникам и институтам академии более заниматься прикладными, нежели фундаментальными, исследованиями.

В 1929 г. были выработаны новые принципы избрания в Академию наук, предполагавшие участие в выборах представителей союзных республик, что означало их большую подконтрольность Политбюро. Еще в предшествующем году в прессе (Ленинградская правда от 17 июня, 4, 12, 13, 17 октября 1928 г.) прошла очернительная кампания против старого состава академии, управленческий аппарат которой был якобы засорен «представителями дореволюционных привилегированных сословий, аристократических фамилий, сановных царских бюрократов» [Академическое дело 1993: XVI]. На Академию наук оказывалось и прямое давление. В марте 1928 г. управляющий делами Совета народных комиссаров Н.П. Горбунов в разговоре с непременным секретарем АН СССР С.Ф. Ольденбургом прямо заявил, что Москва «желает видеть избранными [большевиков] Бухарина, Покровского, Рязанова, Кржижановского, Баха, Деборина» [Перченко 1991: 175].

Давление на академию вызвало раскол в ее рядах. Некоторые академики, такие как И.П. Павлов, были категорически против вмешательства государства в дела академии. Другие, такие как

академик С.Ф. Платонов, были за уступки государству. По иронии судьбы именно по ним и прошла государственная машина при попытке «наказания» академии.

Уже в ноябре 1928 г. начались первые аресты в среде академии. Были арестованы органами ОГПУ член-корреспондент АН СССР В.Н. Бенешевич (близкий друг Мервартов), сотрудники Библиотеки Академии наук (БАН) А.А. Сиверс и В.Е. Вальденберг. Это было и способом государственного запугивания Академии наук, и, вероятно, первым шагом к сбору «компромата» на академиков в случае их неготовности уступить диктату государства.

На выборах в Академию наук, прошедших на общем собрании 12 января 1929 г., часть рекомендованных государством лиц, в частности Н.И. Бухарин, Г.М. Кржижановский, М.Н. Покровский, были избраны в состав академии, но трое других забаллотированы. Это явно не удовлетворяло коммунистическое руководство страны. 17 января прошло вторичное голосование, вылившееся в острую дискуссию. На собрание не явилось более половины из списочного состава академии. В Москве был поднят вопрос о закрытии Академии наук. При мощнейшем давлении со стороны властей и с нарушением процедуры выборов на экстраординарном общем собрании 13 февраля 1929 г. три ранее провалившихся коммуниста Деборин, Лукин и Фриче были выбраны, а по существу — назначены академиками [Академическое дело 1993: XXI]. Академия как институт не была уничтожена, но власть сохранила к ней враждебность и ясно выразила намерение изгнать из ее рядов строптивых свободолюбивых сторонников независимости. Введение в состав академии вульгарного марксиста Покровского грозило большими неприятностями для Академии наук, и они не замедлили случиться.

Под давлением так называемой комфракции — новоизбранных коммунистов-академиков — Археографическая комиссия и Музей книги были преобразованы в Историко-археографический институт и Институт книги, а возглавлявшие их академики С.Ф. Платонов и Н.П. Лихачев после полутора лет нахождения

под следствием по «Академическому делу» были отправлены в ссылку.

Но только академиками расправа с академическими учреждениями Ленинграда не ограничилась. 1 июля 1929 г. в Ленинграде начала работать правительственная комиссия во главе с членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской комиссии (Центральной контрольной комиссии) ВКП(б) Ю.П. Фигатнером, имевшая целью чистку государственного аппарата от «классово чуждых» элементов. Эта комиссия лишила работы многих сотрудников академических учреждений, обескровила научные институты. 15 июля 1929 г. была утверждена комиссия по «чистке Академии наук СССР». Сначала были уволены многие сотрудники Секретариата Академии наук. Далее очередь дошла до ее учреждений: комиссия Фигатнера «взялась за сотрудников БАН, Пушкинского Дома, Археографической комиссии. Всего в Академии было уволено с работы из 960 штатных сотрудников 128 человек, а из 830 сверхштатных — 520 человек» [Академическое дело 1993: XXVI].

Сотрудников академических учреждений обвиняли в чуждом классовом происхождении, сотрудников БАН и Пушкинского Дома — в хранении важных документов, таких как оригинал отречения от престола Николая II, документы партии эсеров и других, которые им хранить «не полагалось». В этом увидели политический заговор. В Ленинград были вызваны чекисты Я.Х. Петерс и Я.С. Агранов (последний был печально известен расправой над Н.С. Гумилевым и другими членами Таганцевского кружка). С.Ф. Ольденбург был обвинен в том, что «о существовании этих документов не было доведено до сведения правительственных органов». Был поставлен вопрос о его отставке [Академическое дело 1993: XXVIII].

Пятого ноября 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обсудило ситуацию в Академии наук СССР и фактически инициировало начало большого политического процесса, дав указание на создание Особой следственной комиссии в составе Фигатнера, Крыленко, Петерса и Агранова. Были арестованы многие академики.

Однако первоначально намеченные к аресту С.Ф. Ольденбург и А.Е. Ферсман счастливо избежали ареста и следствия. Других же, попавших в списки, запущенная в действие карательная машина ОГПУ не пощадила [Академическое дело 2015].

Главным обвиняемым по «Академическому делу» стал С.Ф. Платонов, который под следственным давлением подал в отставку с поста академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и тем самым с поста члена Президиума АН СССР [Академическое дело 1993: XXXIII].

Как справедливо отмечают издатели материалов «Академического дела», «начавшиеся в октябре 1929 г. единичные аресты сотрудников Академии продолжались и приобрели после решения Политбюро от 5 ноября массовый характер, особенно в январе и феврале 1930 г. Таким образом, результаты работы комиссии Фигатнера сыграли роль детонатора процесса, который начался по указанию Политбюро, подлинного его дирижера, и опирался на набросок сценария, сочиненного в конце ноября — начале декабря 1929 г. Особой следственной комиссией (Фигатнер, Крыленко, Петерс, Агранов). Усилиями этих органов был создан тот плацдарм, опираясь на который, высокопоставленные сотрудники ПП ОГПУ в ЛВО сфабриковали обвинение в создании подпольной антисоветской контрреволюционной организации, ориентирующейся на иностранную интервенцию» [Академическое дело 1993: XXXIII–XXXIV].

Следователь Агранов использовал путаные показания и самооговор «бывшего академика» Е.В. Тарле для создания мифа о причастности академика и ряда других арестованных, включая А.М. Мерварта, к участию в деятельности организации «Стальной шлем». Находясь в ссылке в Алма-Ате, академик Тарле от своих показаний в 1932 г. отказался.

Обвинения по «делу Платонова», или «Академическому делу», строились вокруг якобы принадлежности Мервартов и других к «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России». В 1931 г. следствие по этому делу было завершено, 29 подследственных были приговорены к расстрелу. В отношении

большинства заключенных, однако, расстрел был заменен заключением. 10 мая 1931 г. Коллегия ОГПУ пересмотрела решение «тройки» относительно приговоренных к расстрелу. Из 28 человек к высшей мере были приговорены шесть бывших офицеров, остальные получили длительные сроки заключения. Коллегией ОГПУ 8 августа 1931 г. С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, С.В. Рождественский, А.И. Андреев, Д.Н. Егоров, П.П. Аникиев, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, В.И. Пичета, А.Н. Криштофович, П.И. Полевой, Д.Н. Бенешевич, С.А. Лобанов, А.А. Зеленецкий, М.О. Клэр были осуждены на высылку в отдаленные места СССР сроком на пять лет. А.М. Мерварт, Л.А. Мерварт, Т.А. Корвин-Круковская были приговорены к «3-м годам исправительно-трудовых лагерей» [Академическое дело 1993: XLVIII].

Л.А. Мерварт рассказывала при пересмотре ее дела в 1958 г., что показания А.М. Мерварта были «с начала до конца вымышленными и сочиненными Мервартом под принуждением следователя», что, «боясь за судьбу своих близких людей», А.М. Мерварт «писал все то, что говорили ему следователи». Она же сама на следствии «называла себя шпионкой и изобличила в шпионаже Мерварта тоже под диктовку следователя» и под угрозой уничтожения не только ее самой, но и всех ее близких, «в том числе двух малолетних детей» [Академическое дело 1993: XXXVIII].

7.2. Арест А.М. и Л.А. Мерварт

Супруги Мерварт оказались одними из первых фигурантов «Академического дела», которое разворачивалось в 1929–1930 гг. Лучшей кандидатуры для главы фабрикуемого ОГПУ дела трудно было найти. А.М. Мерварт был немцем, бывшим германским подданным, бывал подолгу за границей, поддерживал с иностранцами контакты и в России. В 1925 г. он был представлен в фойе Мариинского театра германским послом Брокдорф-Ранцау (1925 г.) и Дирцину и жене последнего, а также его сестре. В июне 1928 г. с супругами Мерварт в Академии наук познакомился генеральный консул Германии в Ленинграде Цехлин,

три-четыре раза встречались с ним вице-консулы Гравенштейн и Штельцер [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 299 об.]. Знакомый Мерварта художник Николай Эрастович Радлов рисовал портрет Цехлина. В 1929 г. Цехлин посетил Мервартов в Детском Селе [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11 об.].

Летом 1928 г. в СССР приезжали из Берлина председатель немецкой научной ассоциации *Notgemeinschaft der Deutschen Gelehrten*¹ д-р Ф. Шмидт-Отт и секретарь доктор Йонас (Jonas). 9 сентября 1928 г., во вторник, в 11–12 часов утра д-р Шмидт-Отт посетил МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4. Л. 119]. А.М. Мерварт показал делегации экспозиции музея и получил приглашение в консульство вместе с директором МАЭ академиком Е.Ф. Карским на обед в честь Шмидт-Отта. А.М. Мерварт сидел рядом с доктором Йонасом, они оказались членами одного и того же союза немецких студентов, между ними установилась крепкая связь, завязалась переписка в 1928–1929 гг. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 249]. После Гражданской войны доктор Йонас был в Сибири, где руководил эвакуацией германских военнопленных [Там же. Л. 304]. Одним из пунктов его научных интересов стала история пещерного города Эски-Кермен в Северо-Западном Крыму. Немецкие ученые проявляли интерес к этому памятнику как, возможно, к древней столице готов. А.М. Мерварт провел в Крыму в 1929 г. 21 день отпуска, ознакомился с раскопками в Эски-Кермене под руководством археолога Николая Ивановича Репникова [Там же. Т. 12. Л. 13 об.].

К тому времени А.М. Мерварт зарекомендовал себя как блестящий специалист и переводчик. Он и консул Цехлин беседовали в его кабинете в МАЭ о переводе на немецкий язык романа А.Н. Толстого «Петр Первый» из «Нового мира» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 8 об. — 9]. Переговоры об издании вел вице-консул Штельцер. Первую часть романа соглашались издать немецкие издательства *S. Fischer-Verlag* в Берлине и *Eugen*

¹ *Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft* — Чрезвычайная ассоциация немецкой науки.

Diederichs в Иене [Там же. Л. 9]. В. Шишков передал А.М. Мерварту первую часть рукописи «Перелетные птицы» для перевода на тех же условиях — выпуска одновременно на русском и немецком языках. А.М. Мерварт купил у В. Липатова пишущую машинку за 100 руб. [Там же. Т. 13. Л. 309 об.]. Он собирался заняться творческим переводом. Однако знание иностранных языков и иностранные контакты А.М. Мерварта были использованы против него.

А.М. Мерварт с началом Первой мировой войны отказался от личной переписки со своими родителями, чтобы в Индии не выявлять англичанам своего немецкого происхождения. Уезжая из Харбина, Мерварты оставили в Русско-Азиатском банке текущий счет на имя Л.А. Мерварт, распоряжение производить из поступающих на него сумм платежи в Шанхайскую сберегательно-выигрышную лотерею. Это продолжалось до 1927 г., когда лотерея лопнула, на счете Мервартов осталось 6 долларов. Банк закрылся [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 256–256 об.]. В ходе командировки в 1927 г. А.М. Мерварт открыл счет в Deutsche Bank в Брухзале, но эти деньги пропали при инфляции. В Брухзале проживали родители А.М. Мерварта и семья его сестры Елизаветы, которая была замужем за торговым служащим Э. Гоманом. В г. Кальденкирхен (на голландской границе) другая сестра Эмма была замужем за торговым служащим М. Гертелем [Там же. Т. 12. Л. 300–301]. Отец А.М. Мерварта тоже мог снимать деньги со счета. Поступали деньги нерегулярно, А.М. Мерварт не слишком дорожил ими. Его сестра построила дом, ее муж основал оптовый торговый дом [Там же. Т. 13. Л. 301 об.].

В Карлсруэ проживали двоюродный брат А.М. Мерварта Роберт Мерварт, преподаватель техникума Видеман, владелец часового магазина, друг его отца. Другой его двоюродный брат — Рудольф Мерварт, экономист, убежденный демократ — работал в германском Министерстве труда, был профессором Берлинского университета [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 19 об.].

Служба А.М. Мерварта в немецких фирмах на Дальнем Востоке тоже свидетельствовала не в его пользу. В справке Департа-

мента полиции от 26 октября 1915 г. фирма «Кунст и Альберс» характеризовалась как «неблагонадежная» организация, которая являлась «правильно организованным отделением германского Генштаба, покрывшего целой сетью хорошо обученных шпионов весь Приамурский военный округ», имела «очень большие сношения с торговыми домами Европейской России», и работали в ней более тысячи служащих [Греков 2000].

Первого октября 1929 г. ОГПУ Ленинградского военного округа вынесло постановление о производстве обыска и задержании Л.А. Мерварт, подозреваемой в том, что она занимается агитацией и пропагандой против советской власти. 2 октября 1929 г. был проведен обыск по адресу Тучкова наб., д. 2, кв. 9, изъяты личная переписка, записные книжки, фотоаппарат, касеты, книги [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 178]. Постановлением 3 октября 1929 г. обыск был проведен на даче, в квартире дома № 16, ул. Слуцкое шоссе, Детское Село [Там же. Л. 171]. Копии своих научных докладов и другие бумаги А.М. Мерварт хранил в кабинете в МАЭ, а не дома. После обыска 2 октября 1929 г. они были им сожжены [Там же. Л. 317].

Л.А. Мерварт была арестована 15 октября 1929 г., освобождена из-под стражи 26 ноября 1929 г. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 194], вновь арестована 2 июля 1930 г.

На момент ареста в ночь с 13 на 14 января 1930 г. А.М. Мерварту было 45 лет. На его иждивении числились жена — Мерварт Людмила Александровна, 40 лет, домохозяйка (как он писал в протоколах), и двое детей — Владимир, 8 лет, и Любовь, 10 лет. *«Имущественное положение: ничего нет»*. Научный работник АН, ученый хранитель МАЭ был беспартийным. *«Политические убеждения: социалист-республиканец, Единственная оговорка моего несогласия с Коммунистической партией — я не разделяю проводимый Ком. Партией революционный темп»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 174].

Арест Л.А. Мерварт, высылка Т.А. Корвин-Круковской, страх за судьбу детей и родственников повлияли на А.М. Мерварта. Он даже *«обсуждал вопрос обратного перехода в германское поддан-*

ство и получение постоянной работы в Германии» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 9]. Не выдержав тягот заключения, он признал все обвинения. Из материалов дела видно, что простого знакомства с А.М. Мервартом было достаточно для ареста, а обвинения имели нередко фантастический характер. Так, вернувшийся из экспедиции сотрудник МАЭ Г.Г. Гульбин был обвинен в разглашении плана работ хлопковой промышленности в Туркестане.

В обвинительном заключении по следственному делу № 5197 о контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» 1 января 1931 г. указано, что А.М. Мерварт, вступив по приглашению Тарле Е.В. в антисоветскую организацию, знал о ее целях, собирал сведения, являющиеся государственной тайной, передавал их германским шефам, а Л.А. Мерварт знала, помогала, лично собирала, привлекала других лиц (ст. 58-3, 5, 6, 11 УК) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 158]. Военная коллегия Верховного суда СССР 20 июля 1967 г. впоследствии (определение № 4 Н-2729/59) отметила, что «А.М. Мерварт 11 и 23 июля 1930 г. в письмах к жене склонял ее дать угодные следствию показания, за что им обещано немедленное освобождение (т. 19, л. 9, 258)», а «Л.А. Мерварт под угрозой давала показания, не соответствующие действительности (т. 18, л. 365–366)» [Там же. Л. 352].

К тому времени уже дважды арестовывалась и помощница А.М. Мерварта Т.А. Корвин-Круковская — за попытку нелегального пересечения границы и получение писем из-за границы [Корвин-Круковская 2003]. Т.А. Корвин-Круковская — правая рука А.М. Мерварта, работала с ним в его кабинете в МАЭ. О ней А.М. Мерварт отзывался так: «Т.А. Корвин-Круковская — мой самый близкий человек, по работе и по жизни, мой секретарь. Под мою диктовку писала отчеты» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 173].

Татьяна Александровна Корвин-Круковская (1900 г.р.), окончила в 1917 г. Демидовскую женскую гимназию. С 1918 по 1920 г.

служила в Отделе управления Петросовета, в течение 1921 г. работала счетоводом в Пехотной школе. После давала частные уроки [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 197] и в продолжение двух лет занималась у проф. Ф.И. Щербатского санскритским языком и индийской литературой с выдающимся успехом [Там же. Л. 199]. Польская аристократка, *«она жила в кругу бывших Гагариных, Оболенских»*. После революции она потеряла возможность получить образование, имела на руках деклассированного отца, семья испытывала нужду [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 305 об.]. С января 1925 г. работала в МАЭ в качестве добровольного сотрудника по юбилейной выставке. А.М. Мерварт писал, что она *«принимала деятельнейшее участие в разборке, регистрации и выставлении коллекций, как старых, так и привезенных мною из экспедиции. При выполнении этой работы она проявила не только исключительное прилежание и работоспособность, но также и интерес и такие познания, что включение ее в штат постоянных научных сотрудников Музея безусловно является большим приобретением, как для Отдела Индии, так и для всего музея в целом»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 198]. Именно она перепечатала текст путеводителя по отделу Индии. По рекомендации Ф.И. Щербатского была допущена к занятиям по индийскому отделу. А.М. Мерварт ходатайствовал перед Правлением Ленинградского института живых восточных языков о ее допуске в качестве «сторонней слушательницы» к посещению лекций по страноведению Индии и бенгальскому языку [Там же. Л. 60]. 1 октября 1925 г. она вошла в штат МАЭ по единогласному избранию Совета музея, утвержденному Президиумом АН, в качестве научного сотрудника 2-го разряда и была причислена к индийскому отделу [Там же. Ед. хр. 8. Л. 65–69]. За самоотверженную работу она была удостоена благодарности Отделения гуманитарных наук АН СССР. *«Она хорошо владеет тремя иностранными языками — немецким, английским и французским. Кроме того, она специально изучила бенгальский язык и санскрит, каковые познания она уже сумела использовать в своих*

печатных трудах. В течение пяти лет музейной работы, которой она отдавалась с большим рвением и усердием, она приобрела основательный музейный опыт, который она углубила чтением литературы и слушанием лекций по музейным вопросам. Очень полезным оказывалось в ее музейной работе и то, что она в совершенстве умела писать на русской и иностранной машинке, а также умение изготавливать картодиаграммы, чертежи и др. графические работы» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 11. Л. 122]. Проживала по адресу В.О., 11 л., д. 22, кв. 5 [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 9].

Брат Т.А. Корвин-Круковской инженер Юлий Юльевич Лоренцен работал в немецкой концессионной фирме [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 113], Мария Юльевна Лоренцен была приятельницей невестки Л.А. Мерварт Зинаиды Евгеньевны Лобановой [Там же. Л. 343], супруги ее брата Владимира. Все эти контакты были использованы ОГПУ против Мервартов и других фигурантов «Академического дела».

В показаниях 16 июня 1930 г. Т.А. Корвин-Круковская заявляла, что не сочувствует советской власти, «но и Германия мне неприятна. Я не могу примириться с мыслью, что близкий и дорогой мне человек будет шпион. Убеждала его в том, что ему нет никакой надобности в этом, что он ведет интересную и полезную для общества работу, которая может дать ему удовлетворение. Уйти от него я не могла. <...> Александр Михайлович предлагал мне плату 150 руб. в месяц, но я считала позорным брать деньги за работу. Я делала для Александра Михайловича то, за что невозможно брать плату. Александр Михайлович меня в этом убедил. Он всегда находил излишней “дворянскую щепетильность” в отношении денег и считал, что к денежным вопросам надо относиться проще» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 142].

Т.А. Корвин-Круковская правила корректуру Полного собрания сочинений А.Н. Толстого (Ленотгиз) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 309 об.]. Она научилась печатать на «Хэммонде» и новой пишущей машинке, которую А.М. Мерварт

в 1929 г. купил у Виля Липатова, но на немецкой машинке печатать не умела. В МАЭ имелась одна машинка с латинским шрифтом, но *«она постоянно требовалась в канцелярии, приходилось писать на ней урывками»* [Там же. Т. 17. Л. 142].

Т.А. Корвин-Круковская была арестована 1 мая, освобождена 12 июля 1929 г. Снята с работы решением комиссии Фигатнера 20 августа 1929 г. Административная высылка в Нижний Новгород, Старо-Красноармейская ул. 17, кв. 17, машинистка Кожсиндиката (ст. 58, п. 6 УК) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 158]. 1 апреля 1930 г. она была вновь арестована и привезена в Ленинград [Корвин-Круковская 2003], направлена в ИТЛ на три года [Там же. Л. 161].

Григорий Григорьевич Гульбин (1890 г.р.) в 1911 г. окончил Санкт-Петербургскую гимназию Императорского Человеколюбивого общества, в 1916 г. — Петербургский университет (с 1912 г.) по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду. В 1912–1921 гг. состоял на военной службе, в 1921–1925 гг. работал на факультете восточных языков [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1930. Ед. хр. 7. Л. 7]. 1 октября 1925 г. избран в научные сотрудники МАЭ 2-го разряда [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 65–69]. Весной 1928 г. помощник зав. отделом Средней Азии МАЭ Г.Г. Гульбин вернулся из экспедиции в Среднюю Азию *«удрученным, больным (психостения), раздражительным, угнетенным»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 248]. Арестован 15 апреля 1930 г., обвинен по ст. 58-10, ч. 2, отправлен в ИТЛ на пять лет.

Александр Александрович Зеленецкий, сотрудник Геолого-разведочного института черных металлов, в июле-октябре 1926 г. занимался в МАЭ как временный практикант [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 9. Л. 45]. В 1927 г. работал волонтером в отделе Индии в МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 7. Л. 12], хотел в практиканты к А.М. Мерварту, но это ему не удалось, он ушел в Геолком [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 299]. Арестован 26 июня 1930 г., выслан на Урал на пять лет.

Постановлением об устранении с занимаемой должности по делу № 1803 18 февраля 1930 г. по статье 58-6 УК в порядке ст. 142 УПК *«на время нахождения под следствием А.М. Мерварт использован на работе в Академии наук быть не может»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 29]. Так А.М. Мерварт был уволен из МАЭ.

Содержавшиеся в ДПЗ арестованные по делу были приговорены: А.М. Мерварт (арестован 13 января 1930 г.) — в ИТЛ на 5 лет, Л.А. Мерварт (арестована 8 июля 1930 г.) — в ИТЛ на 5 лет, Д.Н. Бенешевич (арестован 15 апреля 1930 г.) выслан в Казахстан на 5 лет, С.А. Лобанов (арестован 29 января 1930 г.) выслан в Казахстан на 5 лет, Т.И. Блумберг (арестована 14 апреля 1930 г.) — в ИТЛ на 3 года. Срок считался со времени ареста [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 161].

А.М. Мерварт не отличался крепким здоровьем. Так, в Колombo *«он простудился, и у него сделался припадок невралгии. Это с ним уже было три года тому назад в Петербурге, и он тогда пролежал почти два месяца»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 197]. В конце 1929 г. А.М. Мерварт сильно болел. 28 октября 1929 г. он сообщал в Правление экскурсионно-лекторской базы Политпросвета тов. Чудакову: *«Я серьезно заболел. У меня образовалась флегмона (гнойное воспаление) правой ноги, вследствие чего я с 19 сего месяца лежу в постели. До вчерашнего дня у меня температура подымалась до 39°. Теперь после двух операций мне стало легче, но все же врачи строго запрещают мне вставать с постели, пока нога окончательно не заживет. Это не может быть раньше 5 или 6-го ноября»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 55]. Из Управления делами АН СССР 28 октября 1929 г. в МАЭ поступил запрос предоставить в УД-АН больничный листок А.М. Мерварт для Стражкассы [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 86].

После ареста А.М. Мерварта 13/14 января 1930 г. Л.А. Мерварт обратилась к следователю СО СОУ ОГПУ при ЛВО А.Р. Стромину с просьбой передать мужу в 1-й корпус ДПЗ теплые вещи (чулки, белье, шапку), продукты питания (сушеные фрукты, жиры, сахар,

огурцы), указывая, что ее муж был серьезно болен (гипертрофия сердца, повышенное кровяное давление (до 200 мм), головокружения, обмороки, склероз почек) и нуждается в систематических прогулках [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 198].

А.М. Мерварт скончался 23 мая 1932 г. в Усть-Печорских исправительно-трудовых лагерях [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 18. Л. 10].

Процесс реабилитации фигурантов «Академического дела» начался уже в 1930-е годы и проводился в несколько этапов. В отношении А.М. Мерварта, признавшего все обвинения, он затянулся на несколько десятилетий.

Определение № Н-3277/ы 28 октября 1954 г. Военного трибунала Московского военного округа относительно Постановления коллегии ОГПУ 8 августа 1931 г. гласило, что Л.А. Мерварт, П.И. Полевой, С.А. Лобанов, А.А. Зеленецкий, Т.И. Блумберг-Коган и другие репрессированы без доказательства вины. Они признали себя виновными, но впоследствии отказались от показаний. Дело прекращено по ст. 204 п. «б» УЧК РСФСР [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 287]. Постановление от 8 августа 1931 г. в их отношении отменить, дело прекратить за недоказанностью обвинения [Там же. Л. 288].

Супруги Мерварт, составляя свои показания, подчеркивали, что их контакты по возвращении в Ленинград в 1924 г. были весьма ограничены, поскольку *«из старых довоенных знакомых очень мало кто остался»* и круг общения определялся их профессиональными контактами (*«сосредоточен, главным образом, среди академиков, сотрудников АН и Университета»*) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 296]. Л.А. Мерварт была очень занята в Академии наук, ограничивала круг своих друзей и возобновила только немногие знакомства *«доиндийской поры»*. *«С Ниной Сергеевной Платоновой была в добрых отношениях еще на Высших женских курсах, познакомила с ней и ее отцом А. Мерварта. <...> Людмилу Фаддеевну Бенешевич знала еще Зелинской. Познакомила с ней и В.Н. Бенешевичем, мужем, А. Мерварта»* [Там же. Т. 17. Л. 214]. После ареста В.Н. Бенешевича А.М. Мер-

варт перестал бывать у Л.Ф. Бенешевич, но Л.А. Мерварт продолжала навещать ее до своего ареста в октябре 1928 г. *«В 1930 г. была только раз в январе, до ареста А.М. Потом боялась навлечь на нее подозрения ГПУ: не знала, в чем дело его ареста»* [Там же. Л. 241]. У Бенешевичей Мерварты встречались с Е.В. Тарле², но приглашали его к себе нечасто, так как они много курили, а Л.А. Мерварт не выносила запах табачного дыма [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 241].

Комиссия по проверке аппарата АН СССР под председательством Фигатнера на заседании 10 ноября 1929 г. № Л 815 постановила: Мерварт Л.А. снять с работы в АН по 1-й категории [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 14]. Приказом АН СССР от 13 ноября 1929 г. (протокол заседания Президиума АН СССР 14 ноября 1929 г. § 1) на основании постановления Комиссии по проверке аппарата Академии наук СССР состоялось увольнение от службы в Академии наук СССР, но Комиссия не возражала против использования их по специальности в Академии наук [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 92]. Однако с 13 ноября 1929 г. Л.А. Мерварт была уволена из МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 14 об. — 15].

Директор и секретарь Совета МАЭ 14 ноября 1929 г. направили письмо в Президиум АН СССР: *«Научный сотрудник 1 разряда МАЭ Л.А. Мерварт была Государственной Комиссией по проверке аппарата Академии наук уволена по 1-й категории. Причиной увольнения послужило, очевидно, то обстоятельство, что она в настоящее время арестована и находится под следствием ГПУ. Принимая во внимание, что Л.А. Мерварт является единственным специалистом по малаистике и малайской этнографии в СССР и что найти для нее замену представляется невозможным, Совет МАЭ просит Президиум АН ходатайствовать перед надлежащими органами ГПУ об ускорении следствия, которое, как Совет надеется, выявит невиновность Людмилы*

² Тарле Евгений Викторович (1874–1955) — российский и советский историк, академик АН СССР (1927).

Александровны и этим самым даст нужному и незаменимому работнику возможность вернуться к своей научной деятельности» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 5. Л. 81]. На заседании Президиума АН СССР 14 ноября 1929 г. § 46 положено было считать исполнение этой просьбы *«в настоящее время затруднительным»* (подписал и.о. неперменного секретаря академик Комаров [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 92]). Управление Делами АН СССР (№ Л-86а) 8 февраля 1930 г. уведомяло МАЭ и местный комитет АН, что этнограф МАЭ Л.А. Мерварт увольняется от службы в Академии наук как находящаяся под арестом свыше двух месяцев на основании рекомендации вице-президента АН академика В.Л. Комарова [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1930. Ед. хр. 7. Л. 52].

Директор и секретарь Совета МАЭ обратились 29 ноября 1929 г. к председателю Правительственной комиссии по проверке аппарата Академии наук с запросом (№ 3370) по поводу того, что *«научный сотрудник 1 разряда зав. Отделом Индонезии Л.А. Мерварт, исключенная вследствие проверки аппарата Академии наук, обратилась в МАЭ с просьбой разрешить ей бесплатно работать в Отделе Индонезии. Не встречая к тому со стороны Музея никаких препятствий, прошу Ваших указаний по этому поводу»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 11. Л. 124].

Бывший ответственный секретарь Комиссии по проверке аппарата Академии наук Ю.В. Садовский в справке 16 мая 1934 г. указывал, что *«Л.А. Мерварт уволена из АН СССР по 1-й категории вследствие того, что она была арестована и осуждена по ст. 58 п. 10 УК Комиссией ОГПУ. Материалами, порочащими по известно-служебной деятельности Л.А. Мерварт, правительственная Комиссия по проверке аппарата Академии наук не располагала, и поэтому в 1-м туре работ Комиссии Л.А. Мерварт чистку прошла без всяких замечаний. Т.о., увольнение по 1-й категории произошло механически и естественно отменяется одновременно с реабилитацией Л.А. Мерварт по линии ОГПУ. Случаи отмены постановлений Комиссии по чистке после реабилитации уволенных по линии следственных органов были доволь-*

но часты и, если не ошибаюсь, вызвали общее постановление Центральной Комиссии по чистке, регулирующее этот вопрос» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 14 об.].

Сила воли и характер Л.А. Мерварт вновь проявились в этой ситуации. Генеральный консул Германии Цехлин через профессора Э.Б. Фурмана предлагал дипломатическую защиту А.М. Мерварту и материальную помощь, но Л.А. Мерварт отказалась. Доктор Э.Б. Фурман лечил детей германского генерального консула д-ра Цехлина и детей Мервартов, заинтересовался их рассказами об Индии. У него Мерварты бывали зимой 1924–1925 гг. вплоть до января 1930 г. Через него А.М. Мерварт попал в Deutscher Verein³ А.Г. Вульфиуса, с которым они были знакомы до отъезда в Индию. А.М. Мерварт *«прочел лекцию с туманными картинками для усиления средств Ферейна, передал пожертвование»*, работал в немецком педагогическом техникуме [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 294–295]. Э.Б. Фурман впоследствии был выслан по делу врачей на 10 лет [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 13 об.].

Девятого февраля 1930 г. Л.А. Мерварт написала письмо председателю Политического Красного Креста Е.П. Пешковой. Этой организации, основанной первой женой Максима Горького Е.П. Пешковой, жесткую, но, видимо, точную характеристику дала позднее обращавшаяся в нее за помощью Н.Я. Мандельштам: *«Жены арестованных — численное превосходство даже после 37 года всегда оставалось в тюрьмах за мужчинами — проторили дорогу в Политический Красный Крест, к Пешковой. <...> Влияния Красный Крест не имел никакого. Через него можно было изредка переслать в лагерь посылку или узнать об уже вынесенном приговоре и о совершившейся казни. В 37-м году эту странную организацию ликвидировали, отрезав эту последнюю связь тюрьмы с внешним миром»* [Мандельштам 1999: 30].

³ Букв. «Немецкое общество» — одно из множества любительских неформальных союзов, традиционно создаваемых немцами в городе.

Л.А. Мерварт писала:

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

Разрешите обратиться к Вам, как председательнице Политического Красного Креста, за советом и помощью. Мое имя Людмила Александровна Мерварт. Я окончила здешний университет, была командирована вместе с моим мужем Александром Михайловичем Мервартом Академией Наук в Индию и на остров Цейлон для изучения этнографии тамошних племен и сбора коллекций по ней. Там мы провели свыше 4-х лет. На обратном пути провели несколько времени на Малакке.

По возвращении в Ленинград в 1924 г. организовали в Музее Этнографии и Антропологии Академии Наук из привезенных нами коллекций индийский отдел, которым мой муж и заведует до настоящего времени.

Мне же Академия Наук поручила организовать отдел Индонезии и Малайский в том же музее. Это мною было выполнено и в настоящее время я являюсь единственной в нашем Союзе специалисткой по малайской этнографии, языку и литературе. С 1924 года я состояла заведующей отделом Индонезии в названном музее. В августе 1929 г. я прошла чистку аппарата Академии (проверочная комиссия под председательством тов. Фигатнера), не возбудив у членов комиссии никаких сомнений относительно моей пригодности к исполнению возложенных на меня обязанностей. 2-го октября я была арестована по ордеру СО ОГПУ при ЛВО. Мне было предъявлено обвинение по ст. 58, раздел 11 (принадлежность к нелегальной антисоветской организации). В чем тут было дело, я и сейчас не знаю, и здешний представитель Красного Креста В. Гартман сообщил мне, что никакого дела и нет. Во всяком случае 26 ноября 1929 года, т.е. 8 недель спустя, я была освобождена и должна была бы вернуться к исполнению своих обязанностей. Однако возобновившая около 20-го октября свою деятельность проверочная комиссия нашла, как вы знаете, в Библиотеке, в Пушкинском Доме и в Археографической Комиссии Академии различные документы, не долженствовавшие там находиться. В связи с этим многие

работники этих учреждений были арестованы, и затем проверочная комиссия сняла с работы по 1-й категории (т.е. с максимальным ограничением возможности службы и заработка) оптом всех работников Академии, находившихся в этот момент — 10-го ноября — под арестом.

В числе таких, уволенных по 1-й категории, оказалась и я. Когда 27-го ноября я явилась в Академию, мне было сообщено всеми членами работавшей еще проверочной комиссии, что я попала под увольнение лишь случайно и должна быть восстановлена в должности, как только кончится следствие ГПУ по моему делу, если оно меня реабилитирует.

Мне было предложено тов. Фигатнером подать в комиссию заявление с просьбой об отмене постановления о моем увольнении. На основании этого моего заявления комиссия постановила и запротоколировала, что вопрос о моем увольнении считается решенным окончательно впредь до окончания следствия ГПУ. Тов. Садовский, секретарь комиссии, разъяснил мне, что таким образом я получаю право поднять вопрос о своем восстановлении в должности и после истечения трехнедельного срока со дня вручения мне справки о снятии меня с работы.

Вы знаете, что ГПУ не только не выдает письменных справок об окончании следствия или о реабилитации подследственных, но даже и возвращение подписки о невыезде часто задерживает на годы или даже вообще не производит.

Ввиду этого я только 13-го января 1930 г смогла узнать, и то лишь благодаря усилиям Гартмана, что дела обо мне нет, и что поэтому можно начать хлопоты о восстановлении меня в должности. Однако в ночь с 13 на 14 января был арестован по ордеру ГПУ мой муж Александр Михайлович Мерварт, и из-за этого Гартман не советует мне начинать хлопоты о себе, чтобы не получить окончательного отказа.

Мужу предъявлено обвинение по ст. 58 разд. 11, т.е. также в принадлежности к нелегальной антисоветской организации. Особоуполномоченный ГПУ сообщил мне, что мой муж привлечен по делу академика Платонова. Это совершенно непонятно, ибо

мой муж не служил нигде в тех учреждениях Академии, где служил ак. Платонов или где были найдены документы, которых не должно было быть. Муж был заведующим отделом Индии в Музее Этнографии Академии Наук и, разумеется, ни в каких анти-советских организациях не состоял.

Изо всего изложенного вытекают и все мои просьбы к Вам, глубокоуважаемая Екатерина Павловна:

1) Нельзя ли узнать, в чем заключается “дело академика Платонова”.

2) Как к нему привлечен мой муж, Александр Михайлович Мерварт?

3) Когда оно будет закончено? Ибо у моего мужа склероз аорты и почек, и я очень боюсь за его здоровье. Он содержится в 1-м корпусе ДПЗ, т.е. без передач и т.д.

4) Имеет ли мне смысл сейчас поднимать хлопоты о моем восстановлении в должности? Как уволенная по 1-ой категории, я лишена всякой возможности заработка, а у меня двое маленьких детей, 8-ми и 10-ти лет.

Нечего и говорить, что жили мы с мужем и детками исключительно на его и мою заработную плату и никаких сбережений не имеем. Поэтому, хотя с одной стороны, как раз пока арестован мой муж, мне особенно безнадежно хлопотать о своем восстановлении на работу, с другой стороны, именно сейчас мне особенно необходимо иметь возможность зарабатывать, чтобы содержать семью. Я уж и не говорю сейчас о том, как мне горько быть оторванной от научной работы, от своего любимого, мною созданного дела.

Для восстановления мне надо послать заявление с копией протокольного постановления комиссии по чистке Академии наук в Центральную комиссию по чистке советского аппарата в Москве. До сих пор все такие заявления лиц, снятых с работы в Академии, Москвой отклонялись, по-видимому, даже без рассмотрения по существу. Я очень боюсь, что такая же судьба постигнет и мое заявление, при этом отказ Центральной комиссии безапелляционен, и я не хочу рисковать его получить.

Можете ли Вы содействовать мне с том, чтобы комиссия непременно рассматривала мое заявление по существу, на основании того, что я изложила выше? Нужно ли мне для этого приехать в Москву или это можно сделать и без меня? Следует ли мне подать это заявление вообще теперь, или Вы считаете, что это несвоевременно? Не могут ли какие бы то ни было мои хлопоты о восстановлении теперь дурно отразиться на судьбе моего мужа?

Простите, что я затрудняю Вас столькими вопросами. Вы так многим из нас, страдающих, помогли и помогаете, что это дает каждой из нас смелость беспокоить Вас,

С искренней благодарностью, Людмила Мерварт» [ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 520. Л. 412–416].

Е.П. Пешкова к 1929 г. уже потеряла всякое влияние на московские власти, и письмо Л.А. Мерварт осталось без ответа.

В своих показаниях Л.М. Мерварт искренне писала, что сведения о революции в России были в Индии непонятны, сбивчивы, нарочно неясны. «Здесь она была совершенной неожиданностью. К сожалению, сведений о войне мы имеем очень мало. В газеты проникает лишь немного и оно, конечно, главным образом касается английских успехов на западном поле действий. Однако из того, что доходит сюда, все же ясно, что Россия спасает положение. Как я рада! Ясно еще и другое: за Японскую победу русский штаб выучился держать в тайне все, кроме уже добытых успехов. Газеты, разумеется, ворчат. До чего тяжело в это время сидеть здесь! Мы стараемся учиться сколько можем, но делать что бы то ни было очень трудно. Известий из дома Германа никаких, но мужья обеих его сестер (один офицер запаса, другой запасной и притом моторист) должны были оба быть призваны в самом начале войны. У одного трое детей, у другого новорожденная дочка» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 10]. Русских, а затем и советских газет Мерварты не видели. Индийские газеты сообщали, например, что власть в России взяли в свои руки дети, ученики военных школ, что кадеты во главе с мальчиком Милюковым проявляют неожиданно государствен-

ную зрелость. В 1918 г. Л.А. Мерварт не представляла себе размеров и характера революции, но думала, что для страны наступило время освобождения и потому расцвета, что она найдет широкое поле работы и строительства. Владивосток оказался в руках чехов, был полон беженцев, рассказывавших об ужасах Гражданской войны, голода, обнищания. Л.А. Мерварт не поняла революции, того, *«что коммунистическая часть рабочего класса захватила власть, чтобы создать наилучшие условия жизни для себя в ущерб всем остальным, в том числе крестьянству. Не поверила в возможность осуществления такого захвата навсегда»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 231–232]. Но было ясно, что семье придется остаться во Владивостоке до конца Гражданской войны.

Л.А. Мерварт писала, что *«монархизм нам чужд и противен»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 233]. Она указывала, что, *«готовясь в Индию, я жадно глотала о ней всё, что успела. Готовясь к Индонезии и экспедиции туда — всё, что могла достать здесь и за границей в 1927 г. О своей стране — ничего до 1927 г.»* Перед отъездом из Харбина она купила книгу профессора Гурвича о советском государственном строе, но за пять недель путешествия так ее и не прочла: помешали новые впечатления, болезнь А.М. Мерварта, заботы о детях, жара [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 236].

Но она всегда находила время и средства помогать другим. В Ленинграде Л.А. Мерварт не могла согласиться с тем, что ее друг В.Н. Бенешевич *«ходит не в живую, а в так называемую Тихоновскую церковь (может быть, Воскресенья на крови); она меня раздражает, я там не бываю»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 237].

В Ленинграде Л.А. Мерварт разыскал священник Спасо-Преображенского собора на ул. Рылеева М.В. Тихомиров, *«мой бывший гимназический законоучитель, духовник; он же венчал меня с А. Мервартом. Я отказалась быть членом 20-ки этого собора — ничего не понимаю. В хозяйственных делах от меня пользы мало. <...> М.В. Тихомиров что-то сделал, его отрешили от места*

(что он сошел с ума), сняли сан. Через год он ко мне пришел, бедствовал, был в штатском, развелся с женой, женился второй раз в ЗАГСе, имел младенца. Дала ему денег, слушать не стала. В процессе с В.Н. [Бенешевичем] — хорошо держался. Давала М.В. рубля 3, до весны 1927 г. заходил ко мне раз в месяц. Потом исчез» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 237, 239].

Находясь в командировке в странах Европы, Л.А. Мерварт, естественно, встречалась там с родственниками и эмигрантами из России.

Отец Л.А. Мерварт — терапевт Александр Михайлович Левин (1861–1932) — происходил из мещан-евреев, родился в Санкт-Петербурге, учился в средней школе на средства родителей в младших курсах, потом стал преподавать (давать уроки). По окончании гимназии в 1879 г. поступил на медицинский факультет университета св. Владимира в Киеве, откуда в 1883 г. перешел в Военно-медицинскую академию (учился на стипендию, за счет казны). Был оставлен при академии на три года и поступил ординатором в клинику профессора В.А. Манасеина. Весной 1888 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины, а в конце того же года приобрел звание приват-доцента Военно-медицинской академии по клинике внутренних болезней. Следующие два года провел за границей, преимущественно в Германии. По возвращении в Санкт-Петербург работал в Обуховской больнице сначала в качестве ординатора, а затем (с 1896 г.) в качестве заведующего отделением внутренних болезней. В 1899 г. занял кафедру диагностики внутренних болезней с соответствующей клиникой в Женском медицинском институте. С 1892 г. состоял членом-сотрудником Института экспериментальной медицины и в качестве такового был в 1897 г. командирован в Индию для изучения чумы и затем неоднократно посылался в разные местности Азиатской и Европейской России для борьбы со вспышками чумы [Энциклопедический словарь 1906: 65]. Получил звание профессора медицины. Как научный работник получил дворянство, чин действительного статского советника. Работал до 1916 г. в Ленинграде в разных вузах, в 1916 г. уехал в Баку для

организации Института усовершенствования врачей. В 1926 г. вернулся в Ленинград. В последние годы жизни работал в Институте усовершенствования врачей и в больнице [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 9–10], консультантом больницы им. Коняшина. В 1930 г. проживал в Ленинграде по адресу ул. Рылеева, д. 20 [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 183], недвижимого имущества не имел. Скончался в 1932 г. в Ленинграде [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 4].

У А.М. Левина было два брата и две сестры. Братья умерли до Первой мировой войны. Одна сестра, Софья Михайловна Шлейзингер (Левина), была певицей в Мариинском театре, вышла замуж за немца Шлейзингера и давно уехала за границу [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 10]. Другая сестра, Шишмарева Елизавета Михайловна, преподавала уроки пения. До революции ее муж работал чиновником в Министерстве иностранных дел, умер до 1914 г. После революции 1917 г. она уехала за границу в Германию к сестре [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 10 об.]. В 1929 г. они обе проживали в Берлине, не работали, жили на средства пожизненной пенсии Софьи Михайловны [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11]. Л.А. Мерварт посетила своих теток в Берлине в 1927 г.

Мачеха, Мария Семеновна Архангельская-Левина (1882–1964), ассистент *Ленинградского педиатрического медицинского института*. В 1943 г. получила почетное звание Заслуженный врач РСФСР, автор нескольких публикаций — методических пособий к практическим занятиям по общей хирургии.

Брат мачехи, Александр Самойлович Изгоев-Ланде⁴, белоэмигрант, выслан из СССР в 1922 г. после ликвидации Вольного философского общества. Был членом редакции белоэмигрантской газеты «Руль», председателем Общества помощи жертвам революции [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 89]. Его

⁴ Ланде Арон Соломонович (литературный псевдоним — Изгоев Александр Самойлович) (1872–1935) — российский юрист, философ, публицист.

дочь Софья Александровна Ланде-Изгоева училась в Медицинском институте, жила на Рождественской ул. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 12 об.].

Братья Л.А. Мерварт Владимир и Сергей Левины по разрешению отца переменяли фамилии на Лобановы в 1915–1916 гг. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 19 об.].

Владимир Александрович Лобанов, 1891–1893 г.р. (в 1930 г. ему было примерно 38 лет), работал в промышленной кооперации бухгалтером [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 4]. Уехал в Баку с женой, где, безработный, научился шить обувь. Невестка, Лобанова Зинаида Евгеньевна, 38 лет (в 1930 г.), ассистент Политехнического института в Баку. Проживали в Баку, ул. Корганова, тупик № 2, д. 5 [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13]. Затем вернулись в Ленинград.

Сергей Александрович Лобанов (1903 г.р.) — студент-электротехник Политехнического института, жил одно время у Мервартов, которые оказывали ему денежную поддержку как младшему в семье [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 217 об.]. Работал инженером в Шлиссельбурге на Химическом заводе им. Морозова [Там же. Т. 12. Л. 56]. Был репрессирован в январе 1930 г., после пяти лет вольной высылки в Казахстан уехал в Горский.

Родная сестра Л.А. Мерварт Надежда Александровна Афонина проживала за границей. Муж сестры, Иван Родионович Афонин, инженер-путеец, работал по постройке железной дороги в Баку инженером, после революции сперва уехал в Персию, в 1927 г. не вернулся из командировки, остался в Европе [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 299]. Сестра из Персии уехала к мужу. Л.А. Мерварт встречалась с ним в Голландии, он хотел строить железную дорогу к устью Енисея [Там же. Л. 218 об.]. И.Р. Афонин умер в 1929–1930 г. в Германии. Переписка с сестрой прекратилась [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 12].

Двоюродная сестра Татьяна Осиповна Блюмберг-Коган, стенографистка и переписчица в Выборгском райкоме Коммунистической партии [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 248].

Испытывала материальные трудности, содержала мать и сестру с мужем [Там же. Т. 12. Л. 212]. Была репрессирована, выслана на три года в ИТЛ, затем попала в Алма-Ату [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11].

Двоюродная сестра Нина Осиповна Коган была арестована 27 декабря 1934 г., за что, Л.А. Мерварт не знала («*по делу художников?*») [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11].

Двоюродные братья Л.А. Мерварт И.Л. Левин и Б.Л. Левин-Ртищев уехали в 1906 г. в Москву, потом — в Париж. Б.Л. Левин-Ртищев работал бухгалтером в Торгпредстве [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 299 об.].

Двоюродная сестра Л.А. Мерварт Ольга Львовна Семадени с мужем раньше жила в Киеве, затем они содержали пансион в Париже (Hotel du Pavillon, 6 rue Verneuil). С ними жили братья Борис и Иван [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 300 об. — 301].

В Берлине в 1927 г. г-жа Гессен, супруга редактора газеты «Речь», председателя Общества помощи жертвам революции, дала Л.А. Мерварт 400 немецких марок «*для раздачи людям, пострадавшим от Советской власти*» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 218 об.]. В Ленинграде на вечеринке окончивших Высшие женские курсы, в память О.Н. Нечаевой, Л.А. Мерварт встретила Л.И. Жижиленко — «*крупную кадетскую деятельницу*», и передала ей из этой суммы 85 руб. (в рублевом эквиваленте) для распределения. Но Гессен не понимала ситуации в СССР, а Л.И. Жижиленко хотела покоя и безопасности, так что деньги Л.А. Мерварт пришлось распределить самой. В 1928 г. прошел процесс по делу «Братства преподобного Серафима Саровского». Был арестован преподаватель И.М. Андреевский, на квартире которого собиралась верующая молодежь. Его жена Т.Р. Андреевская должна была «*вскоре родить, есть маленький ребенок. Узнала адрес, поехала, оставила ей конверт со 100 руб. без надписи*» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 246]. Л.А. Мерварт лично передавала деньги женам и другим арестованным на их квартирах: после высылки библиотекаря АН А.П. Обновленского его жене Л.А. Мер-

варт принесла 85 руб., Л.М. Кириленко — 80 руб. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 89].

В 1928 г. семья инженера П.И. Полевого переехала в Геолком в Ленинград. *«Я была очень мало знакома с ним и его женой на Дальнем Востоке. Помогла им устроиться»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 219 об.]. Эта помощь также была расценена как факт не в пользу Мервартов.

В своих показаниях Л.А. Мерварт признала *«правильность репрессий»*, но заявила следователю, что обвинены они с мужем были неправильно — *«не шпионаж, но неучастие в мероприятиях Советской власти (в демонстрациях)»*, так как она была *«антисоветски настроена»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 13 об.]. *«Великая стройка нуждается в материале, нуждается в работниках, а у меня есть и специальные знания, и энергия, и работоспособность. Тем более что я могла бы быть вождем и сама сделала себя негодной и в рядовые»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 249–250]. С 1928 г., по ее словам, она начала ежедневно читать Плеханова, Маркса, Ленина, *«Ленинградскую правду»* вместо *«Вечерней Красной газеты»*.

После ареста 15 октября 1929 г. Л.А. Мерварт пожаловалась следователю А.Р. Стромину, что *«уже две недели без книг»* (1 корпус, камера 255), и просила разрешить ей пользоваться книгами библиотеки Дома предварительного заключения, также приобретать газеты, передать ей из дома учебник малайского языка Maxwell *“Manual of Malay Grammar”*, карандаш, точилку, бумагу [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 249–250].

Вновь Л.А. Мерварт была арестована 2 июля 1930 г. во время разговора со следователем А.Р. Строминим в его кабинете в здании ПП ОГПУ в ЛВО (ул. Дзержинского, д. 4–6). Постановлением по делу № 1803 8 июля 1930 г. она обвинялась по ст. 58-4, 58-6, 58-11. Был произведен обыск по ул. Рылеева, д. 20, кв. 14 [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 199, 202].

Читка газет и книг, ежедневная прогулка 30 минут были разрешены Л.А. Мерварт (1 корпус, камера 260) 3 июля 1930 г. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 205]. В ответ на заявле-

ние от 20–21 ноября 1930 г. было разрешено принести для нее учебники испанского и португальского языков [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 14. Л. 54].

Находясь в заключении, Л.А. Мерварт написала подробные воспоминания о работе экспедиции на Цейлоне и в Индии, о пребывании на Дальнем Востоке. В них приводятся некоторые подробности путешествия, которые не вошли в ее научные публикации, рассказано об условиях быта и работы ученых. Эти материалы раскрывают особенности жизни и этнографической работы в Южной Азии, атмосферу научной жизни Ленинграда, в которую включились Мерварты. Также она составила записки о максимальном использовании нефтяных запасов СССР, о производстве шелка «эри», вырабатываемого на хлопчатобумажных фабриках Индии, и о возможностях торговли с Индией, которые демонстрируют глубокое знание этнографических реалий.

Постановлением ОГПУ от 8 августа 1931 г. супруги Мерварт были осуждены НКВД по ст. 58, заключены в ИТЛ г. Ухты на пять лет. А.М. Мерварт скончался 23 мая 1932 г. в Усть-Печорских исправительно-трудовых лагерях. Л.М. Мерварт находилась в лагере до 7 декабря 1932 г. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11]. Освобождена 4 января 1933 г. в Москве, куда была вызвана в декабре 1932 г. из Ухто-Печорского лагеря (г. Чибью). *«Еще раньше, 8 сентября 1932 г., в Чибью была освобождена и переведена в Колонизованные⁵ сотрудники НКВД. О порядке освобождения мне тогда в Москве следователь Т. Штукатуров сказал, что меня освобождают по пересмотру*

⁵ Категории довольствующихся Ухтпечлага: заключенные, колонизированные, спецпоселенцы и вольнонаемные. Вольнопоселенец, или колонизованный, — с конца 1920-х годов и до 1937 г. — заключенный, которому за ударный труд было разрешено проживать до истечения срока вне зоны лагеря, вместе с семьей. Эта привилегия распространялась на отбывших более половины срока и систематически перевыполнивших нормы. Они были обязаны работать на предприятиях лагеря. Им платили 50–60 % нормальной зарплаты [www.memorial.krsk.ru/Articles/Rossi/v.htm].

дела» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 413]. Постановлением ОГПУ от 20 января 1933 г. Л.А. Мерварт была досрочно освобождена [Там же. Л. 432].

7.3. Реабилитация Л.А. Мерварт. Деятельность в 1933–1965 гг.

В январе 1933 г. Л.А. Мерварт вернулась в Ленинград и работала сначала на заводе им. Радищева [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 2]. Затем поступила на работу в Музей истории религии АН, где работала до 9 марта 1935 г. [Там же. Л. 10]. 4 сентября 1933 г. Директор МАЭ В.Г. Богораз-Тан и ученый секретарь В.Л. Баканов просили неперменного секретаря АН СССР «о зачислении научного сотрудника I разряда Мерварт Людмилы Александровны с предоставлением Музею дополнительной вакантной единицы, согласно договоренности с Вами, т.к. в распоряжении Музея нет средств для оплаты нового работника» [Там же. Л. 3]. Президиум АН СССР на заседании от 16 ноября 1933 г. постановил утвердить должность научного сотрудника 1-го разряда с окладом 200 руб. в месяц и утвердить в этой должности научного сотрудника 1-го разряда (по отделу восточных религий и интернационального антирелигиозного движения) Л.А. Мерварт с 15 ноября 1933 г. [Там же. Л. 5].

Директор МАЭ В.Г. Богораз подписал отзыв для представления в секцию научных работников: «Научный сотрудник МИР АН СССР Л.А. Мерварт, востоковед, один из немногих в Союзе специалистов по Индонезии и индийской этнографии, работающих над материалом не только литературным и музейным, но собранным лично на местах. Тов. Мерварт имеет ряд ценных работ, является зарубежным членом Королевского Института Нидерландской Индии (Голландия), участвовала в Международном Конгрессе Антропологии и Этнографии в Амстердаме в 1927 г. по персональному приглашению. В настоящее время ведет ответственную работу по отделу Восточных религий в Музее и разрабатывает вопрос о народном буддизме на о. Цейлон по материалам своей экспедиции в Индию и на Цейлоне от Академии наук.

Тов. Мерварт владеет следующими языками кроме русского: английский, немецкий, французский, голландский, малайский [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 7]. В анкете 1933 г. она указала также шведский язык [Там же. Л. 2]. В характеристике, выданной в Московском нефтяном институте им. академика И.М. Губкина (1940 г.) указано, что она *«знает более 10 языков»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 428].

До 18 августа 1934 г. Л.А. Мерварт проживала по старому адресу родителей — Ленинград, Рылеева 20-14, с 18 августа 1934 г. по 18 апреля 1935 г. — ул. Подрезова 2-51. С 18 апреля по 20 марта 1935 г. временно поселилась вместе с детьми (дочь Мерварт Любовь Александровна, 1919 г.р., ученица 3-й средней школы; сын Мерварт Владимир Александрович, 1921 г.р., ученик 7-го класса 10-й школы) у тетки Бецкевич Марии Осиповны, 1896 г. р., пенсионерки, по адресу ул. Марата, 42-3.

После убийства С.М. Кирова Л.А. Мерварт была вновь арестована 3 марта 1935 г., 4 марта 1935 г. по месту ее жительства произведен обыск, но через два дня она была освобождена.

Л.А. Мерварт тогда отказалась от ложных показаний, так как шпионской работы не вела, никаких сведений не передавала, в организации не состояла, про организацию не знала [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 12 об. — 13].

Курсант ЦТК НКВД А. Борель, рассмотрев 4 марта 1935 г. следственный материал на Л.А. Мерварт, судившуюся Тройкой ОГПУ в 1930 г., предложил *«сослать Л.А. Мерварт с детьми в Тургай на 5 лет»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 15–16].

Забегая вперед, укажем, что впоследствии и это обвинение было снято. *«Арестованная 3 марта 1935 г. Постановлением Особого Совецания при НКВД СССР от 7 марта 1935 г. как социально опасный элемент Л.А. Мерварт вместе с семьей в числе 1 чел. (Бацевич Мария Осиповна) подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. “О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов”*» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 18].

Из Музея истории религии АН Л.А. Мерварт уволилась 9 марта 1935 г. по собственному желанию («*ввиду срочной необходимости мне выехать из Ленинграда*») [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 10]. Согласно справке управдома, гражданка Л.А. Мерварт выехала из дома в марте 1935 г. в город Оренбург и со дня отъезда в доме не появлялась [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 17].

Вместо Оренбурга Л.М. Мерварт отправилась в Москву и устроилась там на работу в Совет по изучению производительных сил (далее — СОПС) АН СССР. С 21 марта по май 1935 г. она жила в Москве в общежитии Дома ученых (Скатерный пер., д. 4), в мае-июне — по адресу Сретенский бул., д. 6. С 20 марта 1935 г. работала в СОПС при АН СССР экономистом, научным сотрудником 1-го разряда, с 9 июня 1936 г. заведовала техническим архивом (Москва, Старо-Монетный пер., д. 33, в июне-июле — Садовая-Спасская) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 15 об. — 17], редактировала бюллетень МОПРа [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 423].

К тому времени Л.А. Мерварт опубликовала ряд работ в изданиях Академии наук, «Academia», Географического общества, издательства П.П. Сойкина, а также сдала в печать несколько статей в «Театральную энциклопедию» («Малайский театр», «Бхавабхути» и др.). Эти материалы об индонезийском театре вышли в свет в 1961 г. («Бексан» и «Ваянг» [Мерварт Л.А. 1961 а, б]) и в 1963 г. («Даланг» [Мерварт Л.А. 1963]), «Индонезийский театр и драматургия» — с дополнениями Л.М. Дёмина [Мерварт, Дёмин 1963], а вот заметка «Бхавабхути» в «Театральной энциклопедии» принадлежит уже перу индолога В.Г. Эрмана. В Москве она напечатала статью в «Вестнике Академии наук» [Мерварт Л.А. 1935], сдала две статьи в «Большую советскую энциклопедию» («Индийский театр» [Мерварт Л.А. 1935], «Яванский язык») [Бухерт 2017: 55]. Однако в 65 т. первого издания «Большой советской энциклопедии» (1931) на 321 странице статья «Яванский язык» подписана инициалами «А.Б.».

В мае 1936 г. тов. Мерварт «за ее научные труды Президиумом АН присуждена научная степень кандидата общественных наук»

[Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 424] по разделу этнографии. Это было подтверждено позже: «*Решением Президиума АН СССР от 15 мая 1936 г. гражданке Мерварт Людмиле Александровне присуждена ученая степень кандидата филологических наук — диплом кандидата наук МКД № 11589. Москва, 11 октября 1949 г.*» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 28].

В связи с упразднением должности Л.А. Мерварт освобождена от должности в СОПС с 21 апреля 1937 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 16 об. — 17]. Летом 1937 г. Оргкомитет XVII Международного геологического конгресса привлек ее к работе «как на самом конгрессе, так и в экскурсиях до и после конгресса» [Бухерт 2017: 55].

Одновременно Л.А. Мерварт подрабатывала в Институте истории АН СССР [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 413]. Она составила справку и предложила проект реорганизации в Москве научно-исследовательской работы в области востоковедения, надеясь поступить в планируемый к созданию сектор истории колониальных и зависимых стран [Бухерт 2017]. С 9 февраля по 1 июля 1938 г. Л.А. Мерварт работала в Институте истории АН СССР в должности старшего научного сотрудника сектора новой истории (Волхонка, д. 14), освобождена от работы по сокращению кадров [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 424], проживала в общежитии АН (Малый Харитоньевский пер., д. 4) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 16 об. — 17].

Первого сентября 1938 г. принята на должность старшего преподавателя английского языка в Московский нефтяной институт им. академика И.М. Губкина (Большая Калужская, д. 14) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 428], проживала в общежитии АН (Большой Черкасский пер., д. 2/10), 26 марта 1942 г. освобождена от работы ввиду реорганизации института [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 18 об. — 19]. С 16 октября по 26 ноября 1942 г. работала в механических мастерских контролером, освобождена от работы ввиду реорганизации мастерских [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 425].

Л.А. Мерварт с марта 1942 г. по май 1943 г. работала для английского издания журнала «Интернациональная литература» (Москва, Кузнецкий мост, д. 12) в качестве переводчицы на английский язык [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 426].

Зачислена на должность старшего научного сотрудника Института этнографии с 1 апреля 1943 г., отчислена в связи с окончанием срока временной службы 16 июля 1944 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 19 об. — 20]. Л.А. Мерварт работала в Московской группе Института этнографии АН СССР внештатным сотрудником группы карт народов [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 429]. Как отмечал зам. директора ИЭ АН СССР М.Г. Левин, *«являясь крупным специалистом по этнографии Индии и Цейлона, тов. Мерварт одновременно работает по этнографической статистике и картографии, выполняет ряд научных заданий Института. Тов. Мерварт активно участвует в общественной работе (шефская работа в госпитале, профорг группы карт) и является энергичным и дисциплинированным работником»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 430].

В 1944 г., 30 сентября, Л.А. Мерварт зачислена на должность старшего научно-контрольного редактора в Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 10 октября 1945 г. утверждена в должности заведующей редакцией восточных словарей, 1 февраля 1956 г. освобождена от работы в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей ввиду перехода на другую работу [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 19 об. — 21]. 6 апреля 1948 г. за активную и общественную трудовую деятельность в ГИИНС награждена медалью «В память 800-летия Москвы» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 23].

В 1945 г., 15 октября, Л.А. Мерварт зачислена в Военный институт иностранных языков на должность преподавателя, 1 декабря 1946 г. — преподаватель на 0,5 ставки, 22 апреля 1947 г. — старший преподаватель кафедры индийских языков на 0,5 ставки, 17 июля 1948 г. уволена в связи с сокращением педагогической

нагрузки [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 20 об. — 21]. В Военном институте она подготовила несколько пособий по малайскому языку [Мерварт Л.А. 1947; 1950] и литературе [Мерварт Л.А. 1951]. «16 октября 1949 г. Решением ВАК от 16 сентября 1949 (приказ № 34) гражданка Мерварт Людмила Александровна утверждена в ученом звании доцента по кафедре иностранных языков» (аттестат доцента МДЦ № 11709, Москва) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 31].

Первого сентября 1954 г. Л.А. Мерварт зачислена и.о. заведующего кафедрой языков стран Юго-Восточной Азии в Московский государственный институт международных отношений МИД СССР, с 1 сентября 1955 г. — доцент кафедры японского языка на 0,5 ставки, 26 августа 1956 г. утверждена доцентом кафедры японского языка. Преподаватель Л.А. Мерварт подготовила большое число специалистов-востоковедов, издала ряд пособий по индонезийскому языку, литературе и письменности [Мерварт Л.А. 1954–1955]. 1 сентября 1958 г. Людмила Александровна Мерварт, доцент кафедры японского, корейского и индонезийского языков, освобождена от работы в МГИМО в связи с уходом на пенсию по возрасту согласно поданному заявлению [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 20 об. — 21, 24 об. — 25, 34].

В последние годы жизни Л.А. Мерварт занималась преимущественно переводческой деятельностью, опубликовала переводы художественной малайско-индонезийской классики на русский язык⁶.

Л.А. Мерварт была избрана членом-корреспондентом Королевского института языковедения, страноведения и этнографии (Нидерланды), почетным членом Международного института антропологии (Франция).

Сын Владимир (1922 г. р.) 16 октября 1942 г. вступил в народное ополчение Краснопресненского района Москвы, погиб в бою

⁶ См.: [Сказки и легенды Южного Сулавеси 1958; Сказание о Сери Раме 1961; Неверман 1961; Кало Г. Бидасари 1967].

26 февраля 1942 г. [Бухерт 2017: 54]. Дочь Людмила (1920 г.р.) поселилась в Подмосковье.

Еще 30 апреля 1939 г. Л.А. Мерварт обратилась в Комиссию по делам частных амнистий при ЦИК с просьбой о снятии судимости, предоставив положительные характеристики с мест работы. 16 сентября 1944 г. Особое совещание при Наркомате внутренних дел СССР постановило ей в этом отказать [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 437, 444].

В 1956 г., 17 февраля, Л.А. Мерварт (проживавшая в Москве, ул. Чкалова, д. 48б, кв. 5) обратилась с заявлением к Главному военному прокурору Советской Армии относительно реабилитации своего мужа А.М. Мерварта, скончавшегося 23 мая 1932 г. в Усть-Печорских исправительно-трудовых лагерях, 19 марта 1956 г. — в ЦК КПСС относительно реабилитации своего брата С.А. Лобанова, 30 марта 1956 г. — о реабилитации обоих родственников — мужа и брата [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 18. Л. 363].

Заместитель председателя Военного трибунала Московского военного округа 31 октября 1957 г. № Н-3272/ОС, Москва, Арбат, 37, сообщил Л.А. Мерварт, что ее дело *«пересмотрено Военным трибуналом Московского Военного округа 28 октября 1957 г. Постановление от 8 августа 1931 г. в отношении Мерварт Людмилы Александровны отменено и дело о ней прекращено»* [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 35].

Поскольку Л.А. Мерварт, С.А. Лобанов, А.А. Зеленецкий заявили, что их показания даны в 1930 г. под психологическим давлением следователя, отказались от показаний, были изобличены только показаниями А.М. Мерварта, то материалов для их обвинения недостаточно. Судимость с них была снята по п. «б» ст. 204 УПК РСФСР [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 18. Л. 363].

А.М. Мерварт же в 1931 г. признал себя виновным в участии в контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», в подготовке плана интервенции и разведывательной деятельности,

в том, что он член «Военного союза», призванного создать отряды «Стального шлема» — частной организации, руководимой германскими офицерами, и вообще агент германской секретной службы с 1913 г. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 7, 121, 132]. Его реабилитация состоялась вместе с основной группой главных фигурантов «Академического дела». Относительно А.М. Мерварта, Г.Г. Гульбина, Т.А. Корвин-Круковской и других [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 336] Военная коллегия Верховного суда СССР Определением № 4 Н-2729/59 20 июля 1967 г. решила: «*Постановление Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. отменить, и дело по ним прекратить за отсутствием события преступления* [Там же. Л. 356].

Л.А. Мерварт скончалась в Москве 9 сентября 1965 г.

Л.А. Мерварт внесла значительный вклад не только в российскую, но и в мировую индологию, стала одним из зачинателей российской малаистики. Она основала школу преподавания малайского и индонезийского языка в нашей стране [Алиева 2008; 2010]. Благодаря ее усилиям в фокус внимания отечественных специалистов попал опыт зарубежного музееведения, фонды МАЭ пополнились ценными индонезийскими коллекциями. Также был осуществлен обмен этнографическими коллекциями между МАЭ и лейденским Государственным этнографическим музеем, и сибирские коллекции стали доступны вниманию публики в Нидерландах.

В 1930 г. преемственность российской индологической школы в МАЭ прервалась. Личный состав отдела Индии МАЭ в 1930-е годы неоднократно менялся. Тем не менее экскурсии, лекции, доклады, учебники, публикации А.М. и Л.А. Мерварт 1920-х годов не забылись, их учили новые поколения петербургских индологов и малаистов.

Количество и качество собранных А.М. и Л.А. Мерварт материалов позволяют считать их одной из базисных составляющих отечественной этнографической индологии и малаистики, а также этнографического музееведения.